

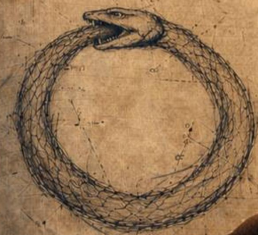
Он думал, что спасает её.

Она знала, что губит его.

ВИНОВНИК ПОДЛОЙ НАДЕЖДЫ

К. БИЛОУС

Символ на карте -
змея едятая свой
хвост. Записал.
Куда она это говорила?
И что именно она
говорила была решим?

К Билоус

Виновник подлой надежды

<https://litres.ru/74070708>

SelfPub; 2026

Аннотация

Их истории всегда рассказывают о ней. О любви, что жжёт и пожирает. Но эта книга — о нём. О том, кто полюбил не ту, кого можно обнять, а ту, за чьей улыбкой прячется тьма. Артём стал тенью Кати — и не заметил, как тень начала действовать сама. Теперь он — виновник надежды, которая может стоять жизни обоим.

Содержание

Часть I. Тень	5
Глава 1. Тень её улыбки	5
Глава 2. Трещина	16
Глава 3. Точка наблюдения	24
Глава	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

К Билоус

Виновник подлой надежды

*Он думал, что спасает её. Она знала, что губит
его.*

Книга создана автором в творческом соавторстве с искусственным интеллектом. Нейросеть DeepSeek выступала в роли ассистента, помогая с формулировками, структурой и стилистическими решениями, однако весь сюжет, характеры персонажей, ключевые сцены и окончательная редактура полностью принадлежат автору.

Часть I. Тень

Глава 1. Тень её улыбки

Артём

Шумный коридор школы № 7 города Омска гудел от голосов, смеха и беспокойного шёпота. Школа была самой обычной — серое здание в одном из спальных районов, окружённое старыми тополями, каких много в этом городе. Казалось, коридор никогда не затихает, словно сердце этого живого организма, где с каждым уроком пульсировала жизнь. Но в глубине уютной библиотеки, среди высоких стеллажей, царил тишина. Здесь, среди книг, спрятался Артём Павлович Тихонов, виновник подлой надежды.

Ему было семнадцать, и он давно привык к тому, что его не замечают. Обычный парень из тех, кого называют «невидимками»: среднего роста, худощавый, чуть сутулый. Тёмно-русые волосы вечно падали на глаза, а глаза были серые, с длинными ресницами — девочки в классе как-то сказали, что красивые, но он не поверил. На переносице у него оставался след от очков, которые он носил дома, но стеснялся

надевать в школу. Одевался он в серое, чёрное, неприметное — специально, чтобы не привлекать внимания. Руки вечно в карманах или перебирают страницы книг.

Библиотека была его убежищем. Здесь пахло пылью, старыми страницами и чем-то ещё — может быть, временем, застывшим в переплётах. Он проводил тут каждую перемену, и не только из-за любви к чтению. Отсюда, из угла за столом, заваленным подшивками научных журналов, открывался лучший вид на школьный мир — точнее, на неё. На Катю.

Он сидел в углу, за высокой стопкой томов по философии, и неотрывно смотрел на девушку напротив. Её звали Катя Соболева, и она была как солнце в сером школьном мире. Яркая, смешливая, она зажигала всех своей энергией, а её улыбка заставляла сердце биться быстрее.

Кате тоже было семнадцать. Она появилась в их классе в начале учебного года, и Артём помнил её первые минуты здесь. Светлые волосы ниже плеч, всегда чуть растрёпанные — будто она только что с улицы, с омского ветра. Глаза голубые, но не прозрачные, а с холодком, стальным отливом. Она заправляла прядь за ухо лёгким, привычным движением, и при этом на левом запястье мелькал тонкий белый шрам. Откуда он — никто не знал, а она не рассказывала. Когда задумывалась — грызла ручку, и от этой привычки на колпачке оставались мелкие следы зубов.

Артём плохо помнил тот день, когда она впервые появилась в классе. Кажется, была среда, третий урок, литера-

тура. Дверь открылась, и вошла она — с растрёпанными после омского ветра волосами, сбившимся шарфом и каким-то растерянно-счастливым выражением лица, будто она всё ещё не верила, что оказалась здесь, в этой школе, в этом городе. Их взгляды встретились лишь на секунду — ровно столько, сколько понадобилось классному руководителю, чтобы представить новенькую. Артём тогда почувствовал, как внутри что-то дёрнулось и затихло, словно струна, которую задели случайно и тут же отпустили. Он даже не понял, что это было. Понял позже, когда увидел её смеющейся с Максимом.

Максиму Громову было восемнадцать — он на год старше большинства одноклассников, потому что поздно пошёл в школу. Он был из тех, кому всё даётся легко: улыбка, взгляд, слово. Высокий, с широкими плечами и уверенной осанкой, с вечно взлохмаченными тёмными волосами, он словно сошёл с обложки молодёжного журнала. Глаза карие, насмешливые, лицо правильное, почти модельное — но портило его выражение вечного превосходства. Одевался дорого и небрежно, и привычка крутить в руках ключи или мяч выдавала в нём человека, который никогда не сомневается. Они с Катей быстро стали неразлучны — сначала просто сидели за одной партой, потом вместе ходили в столовую, а через пару недель уже держались за руки в коридоре так естественно, будто иначе и быть не могло. Артём смотрел на них и чувствовал, как внутри разрастается пустота, которую не за-

полнить ни книгами, ни мыслями, ни долгими прогулками в одиночестве по серым улицам окраинного микрорайона.

Он снова уткнулся взглядом в раскрытый том, делая вид, что читает. Строчки расплывались. «Бытие определяет сознание» — читал он в десятый раз, но перед глазами стояла она: как она заправляет прядь волос за ухо, как хмурится, когда задумывается, как её пальцы рассеянно перебирают край пенала. Каждая мелочь впечатывалась в память, и он ненавидел себя за эту наблюдательность. Зачем ему знать, что у неё на левом запястье тонкий шрам от давнего падения с велосипеда? Зачем помнить, что она грызёт ручку, когда решает сложную задачу? Зачем коллекционировать эти детали, если они никогда не станут частью его жизни?

Она была не для него. Она была с Максимом. Они всегда были вместе, они смеялись, держась за руки, они обнимались на переменах, они смотрели друг на друга с такой любовью, что Артёму становилось больно. Физически больно — тупая, ноющая боль где-то под рёбрами, которая не утихала ни на минуту. Иногда ему казалось, что он даже дышит через эту боль, что она стала частью его тела.

Он не мог отвести от неё взгляд. Он видел, как она замороженно слушает Максима, когда тот рассказывает что-то, наверняка не очень умное, но смешное. Видел, как она смеётся над его шутками — смеётся открыто, запрокидывая голову, и как Максим в эти моменты смотрит на неё с лёгким торжеством. Он видел их счастье, и это счастье стало его му-

чением.

Однажды, в конце сентября, случилось то, что заставило его поверить — глупо, безрассудно поверить — что надежда ещё имеет смысл. Был вечер, школьный осенний бал. Артём не хотел идти, но мама, Елена Тихонова, медсестра городской больницы, в редкий выходной настояла: «Хватит сидеть в четырёх стенах, ты совсем зелёный стал». Он стоял у стены в актовом зале, заставленном дешёвыми гирляндами и вырезанными из бумаги кленовыми листьями, и смотрел на танцпол. Катя была в светло-голубом платье, кружилась вместе с подругами, а Максим куда-то отошёл. В какой-то момент их взгляды встретились, она улыбнулась ему — просто так, вежливо, как улыбаются знакомому из параллельного класса, — и кивнула. Артём замер. Сердце застучало так, что казалось, его слышно даже сквозь грохот музыки. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы осознать: она просто узнала его. Возможно, вспомнила, что они сидят в одной столовой через два стола друг от друга. Но для него эта улыбка стала каплей воды в пустыне — каплей, которая не спасла, а только сильнее разожгла жажду.

Весь оставшийся вечер он прокручивал в голове этот момент. А вдруг? Вдруг она заметила его? Вдруг ей не всё равно? Подлая надежда распускалась внутри ядовитым цветком, и он ничего не мог с этим сделать.

Потом вернулся Максим, принёс Кате сок, и она прижалась к его плечу, что-то шепнула на ухо. Артём смотрел на

них и ненавидел себя за то, что позволил себе хоть на миг поверить.

Встреча

Прошла неделя. Сентябрь нехотя уступал место октябрю, и по утрам лужи в школьном дворе покрывались тонким льдом. Омская осень брала своё. Артём, верный привычке, снова сидел в библиотеке на большой перемене, спрятавшись за стопкой философских трудов. В зале почти никого не было — только дежурная библиотекарь, женщина с гладко зачёсанными седыми волосами, которую все называли исключительно по имени-отчеству, раскладывала карточки и тихо шуршала бумагой.

Он как раз в двадцатый раз перечитывал один и тот же абзац, когда услышал шаги. Лёгкие, почти невесомые. Он знал эту походку. Знал ещё до того, как поднял голову.

— Привет. Можно?

Катя стояла прямо перед ним — с учебником по зарубежной литературе в руках и чуть растерянной улыбкой. От неожиданности Артём чуть не опрокинул стопку книг.

— Д-да, конечно, — выдохнул он, чувствуя, как лицо предательски краснеет.

— Ты ведь Артём, да? Из параллельного? Я тебя часто тут вижу. — Она кивнула на его книги. — Философия? Серьёзно? И как, помогает понять жизнь?

Он попытался усмехнуться, но вышло жалко.

— Пытаюсь. Пока что понял только, что жизнь — сложная штука.

Катя тихо засмеялась, и от этого смеха у него внутри всё сжалось в тугую комок.

— А я вот ищу что-нибудь по теме... «Литература эпохи Просвещения». Библиотекарь сказала, что это где-то здесь, но я уже десять минут блуждаю среди полок. Поможешь?

Артём вскочил так быстро, что едва не задел головой полку.

— Конечно. Тут на самом деле всё не по алфавиту, а по тематическим кодам. Я покажу.

Они вместе двинулись в узкий проход между стеллажами. В воздухе стоял запах старых переплётгов и воска — натирали паркет. Артём шёл первым, чувствуя её присутствие за спиной болезненно остро. Каждое её дыхание, каждый шорох её одежды отдавались у него в груди электрическим разрядом.

— Вот, здесь, — он указал на верхнюю полку. — Тут вся серия. Тебе какую именно? Можно взять хрестоматию, там и Вольтер, и Руссо...

— Ой, я в них совсем не разбираюсь, — призналась Катя, становясь на цыпочки, но не дотягиваясь. — Может, вот эту? Где больше картинок? — Она попыталась взять тяжёлый том, но тот неожиданно выскользнул из её рук.

Артём рефлексивно подхватил книгу у самого пола. На

секунду их пальцы встретились. По его коже пробежал ток.

— Спасибо! — Катя смущённо улыбнулась. — Какой ты ловкий. А я вечно всё роняю. Максим говорит, что я самая неловкая девушка из всех, кого он знает.

Имя резануло слух, как лезвие. Артём заставил себя сохранить нейтральное выражение.

— Это не страшно. У каждого свои таланты.

— А какой у тебя? — она вдруг заинтересованно взглянула на него, запрокивая прядь за ухо. — Ты, наверное, очень умный, раз всё время читаешь. Я заметила, ты тут почти каждый день.

Он замешкался. Что сказать? Что его единственный талант — это любить её молча, как полный дурак?

— Я... просто люблю тишину. Здесь она есть.

Катя кивнула, и её глаза на мгновение стали серьёзными.

— Понимаю. Иногда тоже хочется спрятаться от шума. — Она помолчала. — Слушай, а ты не мог бы мне помочь как-нибудь с литературой? Ну, если у тебя будет время. Ты явно в этом разбираешься, а мне так тяжело даются эти эпохи... Максим говорит, что это всё скучно, но мне кажется, интересно, если правильно объяснить.

Сердце Артёма пропустило удар. Она просит его о помощи. Она хочет, чтобы он объяснил ей. Она запомнила, как его зовут. Она заметила, что он всегда в библиотеке. Это не могло быть случайностью. Или могло? Он постарался ответить как можно спокойнее:

— Да, легко. Могу подобрать что-нибудь... не слишком скучное. Там, на самом деле, много интересного, если не по учебнику.

— Было бы здорово! — Катя просияла. — Тогда давай завтра, на большой перемене, если ты не против? Здесь же?

— Да, я всегда здесь, — вырвалось у него раньше, чем он успел подумать.

Она улыбнулась — той самой открытой, солнечной улыбкой, которая всегда была адресована Максиму, а теперь на миг досталась и ему. Артём почувствовал, как ноги становятся ватными.

— Тогда договорились! Спасибо большое, Артём. Ты настоящий спаситель.

Она повернулась и пошла к выходу, прижимая к груди книгу. Артём смотрел ей вслед, не в силах пошевелиться. В дверях библиотеки появился Максим. Он обнял Катю за плечи, чмокнул в висок и что-то весело сказал. Она рассмеялась и прижалась к нему, забыв, казалось, о всём мире — и о разговоре, и о книгах, и о неловком парне между стеллажами.

Артём остался стоять в проходе. Книги безмолвствовали вокруг. В ушах всё ещё звучал её голос: «Ты настоящий спаситель». Он знал, что она не вложила в эти слова ничего особенного. Просто вежливость. Просто мимолётный разговор. Но для него они стали приговором.

Он понимал, что никогда не сможет быть с ней, что она

никогда не сможет его любить. Катя была как яркая бабочка, которую можно только созерцать издалека, но не трогать. А он — как мотылёк, летящий на свет, зная, что сгорит. Но эта мысль не останавливала. Теперь, после нескольких фраз, после того, как она улыбнулась именно ему, ядовитый цветок надежды распустился с новой силой.

Всё, что у него было — это завтрашний день. Большая перемена. Здесь же. Он будет ждать. И пусть весь мир катится к чертям.

Дома, в своей комнате, в квартире на окраине Омска, он часто включал музыку — одну и ту же грустную песню на повторе — и представлял, что всё иначе. Что это его она ждёт после уроков, что это с ним она делится мелочами прошедшего дня, что это на его плече путаются её волосы, когда она устало прикрывает глаза в автобусе. Фантазии были такими подробными, что порой он сам пугался: откуда в нём столько нежности, столько тоски по тому, чего никогда не было?

Он был её тенью, невидимым спутником, который не мог прикоснуться к её жизни. Но теперь у тени появилась крохотная, почти неразличимая щель, через которую пробивался свет. Завтра. В это слово уместилось всё — его надежда, его боль, его безумие.

Он был виновником подлой надежды, надежды, которая жгла его изнутри, но не приносила ему тепла. В груди постоянно тлел уголёк: «А вдруг когда-нибудь?..» И он ненавидел этот вопрос, но продолжал задавать его снова и снова, слов-

но бился головой о стену, зная, что стена не рухнет.

Он чувствовал себя одиноким и ненужным, словно затерявшийся в пустыне. Но теперь в этой пустыне блеснул мираж — такой реальный, что в него почти хотелось верить.

В его душе был огонь, который не мог погаснуть, не мог угаснуть, не мог перестать гореть. Этот огонь сжирал его изнутри, питаясь случайными взглядами, нечаянными совпадениями и тем, что он называл «знаками». Сегодня она попросила о помощи. Сегодня она улыбнулась ему. Сегодня она назначила встречу — пусть лишь для того, чтобы поговорить об учебнике. Каждая такая мелочь подбрасывала дров в костёр, и костёр ревел, не давая уснуть ночами.

Он был виновником подлой надежды, но он не мог быть другим. Он не мог перестать быть её тенью. Он продолжал ждать — безнадежно, упрямо, глупо, — что когда-нибудь она обратит внимание на него, что когда-нибудь она увидит его и поймёт, что он тоже существует, что он тоже чувствует, что он способен любить её не меньше, а может быть, и больше, чем кто-либо другой. И эта надежда была самой подлой: она не давала ему отпустить, не давала забыть, не давала жить. Она держала его в плену у мечты, которая никогда не станет явью.

Глава 2. Трещина

Артём + фрагмент Кати

Следующие две недели изменили всё.

Артём и Катя встречались в библиотеке школы № 7 через день — она сама предложила такой график, сказав, что материал лучше усваивается порциями. Артём Павлович Тихонов не спорил. Он вообще не смог бы ей возразить, даже если бы захотел. Каждая встреча была для него мучительным подарком: час, иногда полтора, проведённые с ней наедине, но под невыносимым софитом её близости, которая никогда не переходила черту. Она слушала его объяснения, задавала вопросы, иногда шутила, но всегда оставалась где-то не здесь — часть её сознания словно витала в другом месте, может быть, в другом городе. Артём это чувствовал, но списывал на свою мнительность.

Он изучал её лицо, когда она думала, что он смотрит в книгу. Светлые волосы, вечно сбившийся шарф, быстрые движения, которыми она перелистывала страницы. И этот голубой холодок в глазах, который не исчезал, даже когда она смеялась.

На третьей встрече он заметил синяк на её запястье. Она перехватила его взгляд и небрежно сказала: «Оступилась

на лестнице, представляешь?» и тут же перевела тему. Артём кивнул, но что-то в её голосе заставило его внутренний камертон звякнуть тревогой. Синяк был слишком ровным. Слишком похожим на след от пальцев.

На пятой встрече, когда он объяснял разницу между рационализмом и эмпиризмом, у Кати зазвонил телефон. Она взглянула на экран, и её лицо на секунду стало таким, каким он никогда его не видел, — замкнутым, жёстким, почти чужим. Она сбросила звонок резким движением, убрала телефон в сумку и улыбнулась ему — слишком быстро, слишком профессионально.

— Кто-то важный? — спросил Артём, стараясь, чтобы вопрос звучал небрежно.

— Спам, — ответила она.

И снова соврала. Он видел экран. Там было имя — короткое, из трёх букв, он не успел прочесть — и множество пропущенных вызовов до этого.

Однажды после их занятия Артём задержался в библиотеке дольше обычного, перебирая книги, которые она смотрела. Это вошло в привычку: после её ухода он касался страниц, которые она листала, словно надеялся уловить остаточное тепло. В тот вечер, когда он уже собирался уходить, в коридоре послышались голоса. Он узнал её голос сразу — и замер.

Катя говорила по телефону. Она стояла у окна в конце коридора, глядя на серый омский двор, и не замечала, что кто-

то может её слышать. Она не кричала, но её тон был таким, каким не разговаривают со спамом или с подругой. Это был голос человека, который отдаёт приказы.

— Я сказала: нет. Ещё рано. Ты сорвёшь всё, если будешь лезть сейчас... Мне плевать, что он говорит. Передай ему, что я сама решу, когда. Ясно?

Шаги удалились. Артём стоял, вцепившись в стеллаж. В висках стучало. Он много раз представлял себе Катю в разных ситуациях, но никогда — такой. Холодной. Властной. Опасной.

В тот вечер он впервые признался себе: он не просто не знает её. Он понятия не имеет, кто она на самом деле.

Восьмая встреча

На восьмой встрече всё пошло не так.

Они сидели за своим обычным столом, но Катя была рассеянной, дёрганой. Она постоянно поглядывала в окно, туда, где у ворот школы снова стоял тёмный внедорожник. Тот самый. Четвёртый раз за две недели. Его номер Артём уже знал наизусть — омские номера, но машина явно не местная: слишком чистая, слишком новая для их района.

— Кто это? — спросил Артём напрямую.

Она вздрогнула, словно он ударил её.

— Понятия не имею. Чьи-то родители, наверное.

— Катя, эта машина здесь каждые два дня. И ты каждый

раз на неё смотришь.

Она подняла на него глаза. В них мелькнуло что-то, чего он раньше не видел, — не раздражение, не страх. Оценка. Она смотрела на него так, словно впервые заметила, что он не просто удобный тихоня, который бесплатно помогает с уроками. Она смотрела на него как на переменную, которую раньше не учитывала в своём уравнении.

— Ты очень наблюдательный, Артём, — сказала она медленно. — Тебе говорили когда-нибудь?

— Говорили. Что это странно.

— Странно — да. Но полезно. — Она помолчала. — Слушай, давай сегодня закончим пораньше. У меня голова болит.

Она собралась и ушла, оставив его одного. Артём смотрел ей вслед и чувствовал, как внутри разрастается новая эмоция, которую он не мог назвать. Это было не восхищение и не боль. Это было предчувствие.

В тот вечер он впервые пошёл за ней.

Она вышла из школы не через главный вход, выходящий на оживлённую улицу, а через боковой, где обычно разгружали оборудование для столовой. Артём держался на расстоянии, чувствуя себя вором в собственной жизни. Катя дошла до угла школьного забора, где её ждал тот самый внедорожник. Задняя дверь открылась, и она села внутрь, не оглядываясь. Машина уехала в сторону частного сектора.

Артём не видел, кто был за рулём. Но он видел другое: ко-

гда дверь открылась, на мгновение показалась рука — мужская, массивная, с перстнем на указательном пальце. И на этом перстне было что-то выгравировано. Что-то, похожее на змею, кусающую свой хвост.

Он вернулся домой и до ночи сидел в своей комнате, глядя в потолок. В груди тлел знакомый уголёк надежды, но теперь к нему примешивалось что-то ещё. Что-то тёмное и липкое, от чего невозможно было отмахнуться.

Фрагмент: она

За две недели до этого

Я заметила его в первый же день.

Новая школа, новый город — Омск встретил нас серым небом и ледяным ветром. Мне семнадцать, но иногда я чувствую себя на все тридцать. Я привыкла сканировать пространство, это рефлекс, вбитый годами тренировок. Кто опасен, кто полезен, кого можно не замечать. Он сидел у окна, третий ряд, предпоследняя парта, и смотрел на меня так, словно я была единственным источником света в комнате. Я сразу поняла: этот будет смотреть. Такие всегда смотрят. Тихие, незаметные, влюблённые в собственное одиночество. Я не придавала значения. В конце концов, я здесь не для того,

чтобы коллекционировать поклонников.

Но он оказался... другим.

Я заметила его снова через несколько дней — в библиотеке. Он прятался за стопкой книг и думал, что его не видно. Смешно. Я всегда вижу тех, кто наблюдает. Это первое, чему учишься, когда твоя жизнь зависит от того, кто стоит за спиной.

Он не заговаривал, не пытался познакомиться. Просто смотрел. В его взгляде было что-то, чего я давно не встречала, — не жадность, не желание обладать. Тоска. Чистая, почти детская тоска по тому, чего у него никогда не будет. Это было... любопытно. Я решила проверить его реакцию и пару раз улыбнулась ему в коридоре. Эффект был мгновенным: он краснел, отводил глаза, но потом снова возвращался к своему наблюдению. Забавно.

На осеннем балу я заметила его у стены. Он смотрел на меня, пока Максим Громов — мой удобный, красивый, глупый Максим — отошёл за напитками, и я улыбнулась ему снова — просто так, из любопытства. Его лицо осветилось такой надеждой, что мне на секунду стало не по себе. Я знаю, что такое надежда, когда за тобой охотятся люди, которым ты должна. Надежда — это топливо для глупцов. Но он... он был таким искренним в своей глупости, что я почувствовала что-то вроде жалости.

А потом всё изменилось. Отец позвонил в ту же ночь. Сказал, что ситуация обострилась. Что старые связи вскрылись

и теперь нужно быть осторожнее. «Никаких лишних контактов, Екатерина. Никакой самодеятельности». Я слушала его голос в трубке и чувствовала, как внутри всё сжимается в тугую узел. Мы переехали в этот город — в Омск — чтобы спрятаться, но прошлое всегда догоняет.

Максим — удобное прикрытие. Он красивый, заметный, с ним я на виду, а это лучший способ не вызывать подозрений. Никто не ищет беглянку в центре школьной сцены. Но он слишком глуп, чтобы заметить что-то кроме моего платья. Иногда это раздражает, иногда — спасает.

А этот, из библиотеки... Артём. Он другой. Он видит. Я поняла это, когда он спросил про машину. Никто не спрашивал про машину. Даже учителя не замечали, что она стоит у ворот четвёртый раз за неделю. А он заметил.

Это опасно.

Но это и полезно. Человек, который умеет наблюдать, может стать либо проблемой, либо инструментом. Я ещё не решила, кем он будет для меня. Проблемы я устраняю быстро — этому меня научили с детства. Но инструмент... хороший инструмент найти трудно.

Он влюблён в меня. Это очевидно. Его чувства — рычаг, которым можно управлять. Папа говорит, что в нашем деле нельзя полагаться на эмоции, но папа не видит того, что вижу я: эмоции — это оружие. Самое мощное из всех.

Сегодня я заметила, что он пошёл за мной после школы. Он думал, что я не замечу. Он такой наивный. Я села в ма-

шину к дяде Коле — Николаю Петровичу Рябову, старому другу отца, который носит на пальце тот же символ змеи, кусающей свой хвост, что и остальные, — и сказала ему: «Ничего не делай. Пока». Потому что эту ниточку я хочу оставить в своих руках.

Артём. Тихий, наблюдательный, влюблённый. Виновник подлой надежды — так я бы назвала книгу, которую он когда-нибудь напишет. Вот только он ещё не знает, что его надежда — не единственная подлая вещь в этой истории.

И когда он узнает, будет уже поздно.

Глава 3. Точка наблюдения

Артём

Артём больше не мог притворяться, что просто любит читать.

На следующее утро после возвращения Кати он проснулся с мыслью, которая засела в голове, как заноза: он ничего о ней не знает. Совсем ничего. Она приехала из другого города — откуда именно? — ей семнадцать, она красива, она смеётся так, что внутри всё переворачивается, она встречается с Максимом, она боится внедорожника у ворот школы № 7 — и это всё. Дальше пустота. Он не знал, кто её родители, где она жила раньше, почему перевелась в середине года в Омск. Он даже не знал, есть ли у неё любимый цвет или книга.

Эта мысль была невыносима. Потому что если ты любишь человека, ты должен знать о нём всё. Или хотя бы что-то. Или хотя бы достаточно, чтобы перестать чувствовать себя слепцом, который тычется пальцами в темноту и надеется наткнуться на свет.

Он начал искать.

Это оказалось проще, чем он думал. Социальные сети — великое изобретение для тех, кто хочет смотреть и оставаться невидимым. У Кати был профиль, закрытый, но не на-

столько, чтобы старые фотографии не всплывали через общих друзей, через отметки, через школьные группы из её прежнего города — города, который был куда больше и опаснее их тихого Омска. Артём Павлович Тихонов провёл за ноутбуком весь вечер и половину ночи, переходя по ссылкам, сохраняя снимки в отдельную папку, читая комментарии под фото, которые она выкладывала год назад, два года назад, три.

На снимках она была другой. Не то чтобы внешне — те же светлые волосы, та же улыбка, тот же тонкий шрам на запястье, — но во взгляде было что-то иное. Меньше солнца. Больше настороженности. На нескольких фотографиях, сделанных явно на семейных мероприятиях, рядом с ней стояли мужчины в строгих костюмах. Они не улыбались. На пальцах у них были перстни — массивные, с каким-то выгравированным символом, который Артём пытался разобрать, увеличивая картинку до пиксельной каши. Символ походил на переплетённые буквы или на змею, кусающую свой хвост, — он не был уверен.

На одном снимке, датированном прошлым летом, Катя сидела на подоконнике, отвернувшись от камеры, и смотрела куда-то в сторону. Фотограф поймал её в момент, когда она не знала, что её снимают. Это было единственное фото, где она не улыбалась. И Артём смотрел на него дольше, чем на все остальные, вместе взятые. Потому что эта Катя — без маски, без солнца, без роли — была настоящей. И эта Катя

выглядела как человек, который знает что-то очень плохое и молчит об этом уже много лет.

Он сохранил и это фото.

К двум часам ночи у него набралось тридцать семь снимков и семь страниц в блокноте. Блокнот он завёл в тот же вечер — обычный, в клетку, купленный в канцелярском магазине на центральной улице Омска ещё в сентябре и забытый на полке. Теперь он стал его тайным архивом. На первой странице он написал: «Катя — наблюдения» — и тут же зачеркнул слово «наблюдения», заменив на «факты». «Наблюдения» звучало слишком жутко. Слишком близко к тому, чем это было на самом деле.

Он записал всё, что знал. Имена, которые мелькали в её рассказах. Адрес, который он вычислил через школьную базу — где-то в частном секторе, улица Тихая, название звучало как издёвка. Номер машины — он успел сфотографировать внедорожник ещё в прошлый раз, омские номера, но с тонировкой, не предусмотренной правилами. Символ на перстне — он зарисовал его от руки, как умел, кривовато, но узнаваемо.

И отдельно, на последней странице, он написал фразу, которая крутилась в голове с того самого вечера, когда он подслушал её разговор: «Я сама решу, когда. Ясно?» Кому она это говорила? И что именно она должна была решить?

Он лёг спать только в третьем часу, но сон был рваный, наполненный образами: перстни, внедорожники, Катя, кото-

рая смеётся, а потом вдруг замолкает и смотрит на него холодными голубыми глазами.

Утром в школе всё было как обычно — и одновременно не так.

Он пришёл раньше обычного и занял свой пост в библиотеке. Катя появилась на большой перемене, улыбнулась ему, села напротив. Они говорили о литературе — она готовилась к эссе, — и всё выглядело нормально. Но Артём теперь не мог просто слушать её голос. Он анализировал каждое слово, каждое движение. Он искал трещины.

— Ты сегодня какой-то странный, — заметила она, перелистнув страницу Вольтера. — Недоспал?

— Немного. Читал допоздна.

— Что читал?

— Интернет, — сказал он честно.

Она подняла бровь, но не стала уточнять. И слава богу. Потому что врать ей у него не получалось совсем.

После занятий, когда он уже собирался уходить, мимо него прошёл Максим. Он выглядел не так, как обычно, — не расслабленно-уверенным, а сжатым, словно пружина. В руке он держал смятую бумажку.

Артём не собирался следить за Максимом. Это вышло случайно. Он просто шёл в ту же сторону — к выходу через спортзал. Максим Громов остановился у мусорного бака во дворе школы № 7, выругался сквозь зубы и швырнул бумажку в урну. Потом достал телефон и кому-то позвонил.

— Слушай, это уже не смешно. Если кто-то думает, что я испугаюсь... — Он отошёл на несколько шагов, и голос стих.

Артём подождал, пока он скроется за углом, и подошёл к урне. Бумажка была смята, но не порвана. Он расправил её.

Записка. Напечатанная на принтере, без подписи. Всего одна фраза:

«Ты не знаешь, с кем связался. Отойди от неё, пока цел».

Артём прочитал её три раза. Потом аккуратно сложил и убрал в карман. Дома он вклеит её в блокнот. Это была ещё одна зацепка. Ещё один факт.

Вечером он сидел в своей комнате, разложив перед собой блокнот, распечатанные фотографии и записку. Он чувствовал себя детективом из старых фильмов, которые смотрел с отцом в детстве. Только в тех фильмах детективы не были влюблены в объект расследования. И у них не дрожали руки, когда они касались фотографий.

Он смотрел на снимок, где Катя сидела на подоконнике. Смотрел долго, пытаясь понять, что именно в её лице вызывает у него такую тревогу. А потом понял: она выглядела как человек, который уже принял какое-то решение. Решение, которое ей не нравится, но которое она выполнит.

Что это было за решение? И имело ли оно отношение к нему?

Он закрыл блокнот и спрятал его в ящик стола. Завтра он снова увидит Катю. Завтра он задаст ей ещё один вопрос —

осторожно, как бы между прочим. Завтра он станет ещё на шаг ближе к разгадке.

А пока — ночь, тишина, и в тишине бьётся его подлая надежда, которая теперь питается не только улыбками, но и фактами. Факты были опаснее. Факты могли разрушить всё. Но отступить он уже не умел.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.